

Козлов Николай

Смерть друга

18+

Николай Козлов

Смерть друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66656046

SelfPub; 2021

Аннотация

История о том, как заканчивается жизнь собаки, прожившей рядом всю свою жизнь. В истории почти ничего не выдуманно.

Николай Козлов

Смерть друга

(запись первая)

1

Я убил друга. И ранним весенним утром, по темноте, нёс на плече его труп за город, туда, где можно закопать. Одной рукой я придерживал труп, в другой нёс лопату. Спину, от поясицы и ниже, холодила выбежавшая из трупа жидкость, просачивающаяся сквозь мешковину и коврик, вероятно испражнения. Труп был ещё теплым, но жизни в нём уже не было. Связки позвоночника при ходьбе растягивались и выпускали едва слышный хруст. Он любил меня, любил всех моих родных и близких, готов был радоваться встречи со мной всегда, даже когда болел... А я его убил. Я убил не случайно, ни нечаянно, а спланировал – и убил. Причём первая моя попытка была неудачной, на месяц раньше, а теперь спланировал вторую.

Спланировал и чего-то выжидал, выжидал. Но дальше откладывать убийство было нельзя. И я решил – пора. Мне уже и виделось улучшение здоровья собаки, но, уехать и оставить заботы на больную жену, я не мог. Не мог, всё спланировал, всё решил, что, как, где, но что-то оттягивал время. В этот

день решил – всё! В этот раз не буду уводить в поле, а усыплю дома. Усыплю, а потом уже труп унесу и закопаю.

Работал я с 15.00 до 23.00. Придя домой поздно вечером после работы, открыв дверь натолкнулся на Рекса. Он не хотел вставать и рассматривал кто пришел, лёжа, даже не поднимая головы. Надавливая на него дверью, открывающейся внутрь, чуть отодвинул, чтобы пройти. Пёсик лежал и моргал глазами от зажжённого мною слепящего света, от моих движений. Как все старики, казалось, он устал и ничего в этом мире для него не было ни новым, ни привлекающим внимание. Потому-то не поднимался, а лишь наблюдал, что пришедший делает. А когда я взял намордник, поводок, пакет с ремнём, для поднятия собаки обратно, на четвёртый этаж после прогулки, изготовленный из пластиковой бутылки мочеприёмник, Рекс понял, прогулка неизбежна. Но всё же на что-то надеясь ещё, а может, просто прося ласки, как всегда это делал, лёжа на боку, закрыл передними лапами уши и произвёл нечленораздельное мычание. Это была просьба почесать за ушами, просьба к которой мы сами приучили собаку, научив получать от этого удовольствие и поощряя таким способом. А может теперь собака вкладывала больше смысла и просто хотела сказать, что она устала от боли, от жизни, что не хочет вставать, пожалей. Или хотела узнать, так же ли я хорошо отношусь к больному животному, как когда-то относился к здоровому и молодому, или сказать что она по-прежнему любит и готова защищать, но старость

изменила её, а боли приучили к терпению и отучили от множества привычек и инстинктивно выполняемых действий.

Я наклонился и почесал Рексу за ушами и погладил по голове. Отгоняя мысли о предстоящем убийстве, не забывал. В жизни собаки наступали последние часы. А он не догадывался, он глядел своими тёмными глазами, подёрнутыми старческой дымкой, урчал от удовольствия, от процедуры чесания и от хорошего настроения хозяина. О чувствах и настроении собака догадывалась всегда, по каким-то едва уловимым признакам. Какое это чутьё, как пёс догадывается – для меня так и остаётся загадкой. Когда Рекс был молод, я его часто брал с собою в горы, в лес или просто прогуляться по набережной речки. И он угадывал, куда пойдём. И если не просто прогуляться, а на длительную прогулку, приходил в возбуждение, начинал поскуливать, с дрожью завывать и всех нервировать. Я искал способ избежать этих нервных потрясений. И наказывал, и лаской пытался пресечь такое поведение – бесполезно. Тогда пытался прятаться, чтобы пёсик до последнего момента не знал о моих сборах. Но он определял, и сразу же вступали в полную силу его песни. Скулёж, с привизгиванием, с трясущейся нижней челюстью и протаптыванием передними лапами, не сводя жалобного взгляда с моих глаз. Конечно же, это всю семью приводило в лёгкий стресс безотказно. Собака ни разу не ошиблась в догадках, что мы пойдём не просто на двадцать, двадцать пять минут, а в длительную прогулку с едой и привалом. И успокоить

песни оставался единственный способ: быстрее собирать всё необходимое и выходить. И потому при сборах всегда что-то забывал.

– Ну ладно, ладно, давай вставай. Вставай, вставай, идём погуляем, – заговорил я, похлопывая добродушно пёсика по боку, с посветлевшей шерстью пропитанной запахом подбегавшей мочи, смешанной и застоявшейся.

Рекс поднял голову и затем стал подставлять под себя передние лапы, скользящие и никак не держащиеся. На коврике, служащим подстилкой, было влажное пятно от набежавшей мочи. Моча последнее время подбегала постоянно, он не контролировал это. Я помог подняться, подхватив собаку под живот и, как только она встала на четыре лапы, подцепил мочеприёмник на резинках с замыкающимися на спине крючками. Надел ошейник с поводком, и мы вышли на лестничную площадку.

Пёс ещё жил, в нём ещё не угас интеллект, хоть слух, зрение и обоняние – всё притупилось и ослабло. Слух стал так плох, что он не слышал звонка на входных дверях. Не слышал лёжа рядом с дверью. А в прежние времена, когда только переехали в квартиру, не только слышал шаги через двойные двери, но и близких узнавал по звуку шагов. И зрение ослабло, прежде собак замечал за сотню метров, ловил брошенное лакомство без промаха, то теперь не видел собак прошедших в пяти метрах, а поймать брошенное лакомство пытался больше по догадке, открывал пасть и хватал воздух, и чаще

получалось, что лакомство пролетало рядом падая на пол.

Всему со старением Рекс учился заново. Спуск по лестницам тоже был обучением и смирением. Я одной рукой держал его за хвост, а другой натягивал поводок, в таком положении и шли вниз. А лишь два года назад Рекс легко и быстро сбегал по ступенькам. А с последних ступенек мог и лихо прыгнуть на площадку, теперь же с трудом спускаясь, мог только упасть. И падал, и спотыкался, прежде чем так, по-старчески, научились спускаться и подниматься. Сколько пережилось страданий, падений и досады. А последние дни поднимались и спускались с остановками. В эту прогулку остановок было четыре, сразу на площадке за дверью с испусканием некоторого количества мочи, в подвешенный под живот мочеприёмник. Затем, спустившись на этаж Рекс приостановился, и я слышал журчание, следующая остановка перед первым этажом и последняя перед подъездной дверью.

После последней остановки, выйдя во двор, я снял мочеприёмник. Мочи в нём было около ста – двести граммов. Это вовсе не много для четырёх раз. Вылив мочу под дерево, и там же прислонив мочеприёмник, пошли дальше, на угол дома. В последний раз гуляя с собакой, я решил не торопить пёсика, пусть погуляет и ничего не запрещать. Но гулять дальше угла дома Рекс не желал. Я ослабил поводок, предоставляя полную свободу, но что проку, Рекс никуда не желал идти. Подвёл к тротуару, где проходит много собак, и на недолго пёс приостановился, вынюхивая что-то в кустике,

где, вероятно, оставили метку другие собаки. А может сука с течкой оставила свой запах.

–Нюхай, нюхай, – снисходительно и ласково произнёс я, ведь в прежние времена всё это запрещалось, чтобы не заразиться глистами.

Нанюхавшись, он сделал полшага, как бы задумавшись, сможет ли он поднять лапу, как это делают кобели, метя кусты. Понял – не сможет. Смог только уронить несколько капель мочи расставив непослушные лапы, и сделал движение в сторону подъезда. Но в подъезд я собачку не повёл, повёл ещё в скверик перед домом. Даже не повёл, а сделали два шага в сторону от прямого пути в подъезд. Но настроения у Рекса не было, он не мог гулять, ему тяжело стоять, тяжело всё, но лежать не так плохо, как стоять или пытаться идти на больных и непослушных лапах. Присел на зад, тяжело, по-людски вздохнув и подняв в мою сторону морду, как бы спрашивая – когда же закончится это.

–Ну что ж, если нагулялся, пойдём до дома. Я хотел хоть немного скрасить тебе последние часы.

Придя в квартиру, я помыл чашку и налил другу сваренную похлёбку. Похлёбка была сварена из одного рыбного фарша, думал так для собачки будет вкуснее. Поставил ему между передними лапами, чтобы он ел не поднимаясь. Но есть Рекс не стал. Это когда он был молод и здоров, тогда ему всегда не хватало. Я таких чашек давал ему по две за один приём, два приёма в день. А теперь пёсик с трудом за сутки

мог съесть две чашки, причём с перерывами на отдых. Он не был избалован в еде, я был строг, не баловал собаку. Кормил строго по графику, а немецкие овчарки всегда отличались отменным аппетитом. И не избалованный вкусовыми изысками, ел всё что давали и в больших количествах. Но с годами меньше и меньше. В последние года пришлось и варить и кормить более вкусной и более калорийной пищей, покупать поливитамины, ещё какие-то пищевые добавки. Последняя похлёбка не понравилась. Макнув в неё язык, Рекс остановился, и замер на мне грустными, старческими глазами.

—Я думал, будет вкусно...

Усыплять его решил в четыре утра. Если процедура затянется надолго, то всё равно до шести часов управлюсь. Было двенадцать ночи. Поспать, значит можно, до половины четвёртого.

2

Лёг спать, но не спалось, ни мне ни Рексу, он часто вздыхал, и вздохи были похожи на стоны, а я вспоминал, думал и тоже выпускал вздохи. Думалось о том, что люди относятся к животным так же, как когда-то относились к рабам. Рабов ведь тоже продавали, покупали и могли в любое время убить. Вспоминал свою первую собаку, которую я считал своей. Мне её отдала женщина. Она вела щенка на красивой никелированной цепочке. Щенок имел зонарно-серый

окрас. Вероятно, она искала кому отдать щенка и по моему взгляду догадалась – мне хочется собаку. Недолго думая, предложила в подарок. Я не мог поверить привалившей удаче.

–А какой она породы? – спросил я.

–Овчарка.

–Чем бы её привязать, чтобы увести домой, подождите, я что-нибудь принесу.

–А и не надо, – решила женщина, – я тебе и цепочку подарю, вместе с собакой. Но если передумаешь, я через три дня приду. Заберу и щенка, и цепочку.

–А как кличка у собаки?

–Стрелка.

Не помню, как привел «овчарку», разновидности двортерьер. Не помню, как воспитывал и обучал. Помню характер собаки, необыкновенную живость и, конечно же, отсутствие всякой злобы, к моему огорчению. Но всё-таки по команде: «Фас»– играя, сбивала мальчишек передними лапами, хватала за одежду зубами и тянула, изображала нападение, однако всем было понятно, злобы нет, и никогда не будет. Стрелка следовала за мною всюду, хотя жила во дворе, в сделанной мной будке под окном. Мне тогда было всего девять лет. Но для Стрелки я был непререкаемый авторитет, и она с неусыпным вниманием следила за мной, всегда пыталась понять, что я от неё хочу, чтобы как можно лучше выполнить команду. На все мои непоследовательные команды, реагирую-

вала и старалась выполнять. Упражнение по подъёму и сбеганию по лестнице у школы, крутой и высокой, она выполняла без капельки страха. Влетала наверх и сбегала вниз, в отличие от породистой восточно-европейской овчарки, Абрека. Абреком командовал Серёжка Сахаров. Из-за собак Серёжа и стал моим товарищем, не смотря на разницу в возрасте между нами в три года. Отец Серёжи – директор школы посёлка. А сам Серёжа, сообразительный и умный мальчик. Подружились мы с ним после того, как однажды все ребята нашей компании заняли сторону моего друга Вовки. Я это расценивал как предательство, мой младший брат Юра, не захотел поединков и ушёл домой, я же жаждал отмщения и крови. С Вовкой мы были старые друзья, мы не могли жить в ссоре больше двух дней. Но ссорились регулярно, эти ссоры и драки у нас происходили в неделю раз, а то и два. Во время разногласий моей и Вовки, остальные ребята выбирали за кого они пойдут. В ту ссору все переметнулись к Вовке и драться нужно было со всеми.

Для драк мы разделились так: Вася с Костей Самаевы двое и против я – первый бой; второй бой, я против Мишки Баранчикова (Мими); третий самый нечестный, хитрец Серёжка Каташев и Тюня, оба ростом как я, вдвоём против меня; и последний бой самый желанный – Вовка против меня.

Первый бой я легко и быстро выиграл. Вася заплакал, а Костя был слишком мал, чтобы один мог со мною драться. Второй бой был остановлен ввиду явного преимущества с

моей стороны, хотя Мими и пытался сопротивляться. Готовились к самому трудному, для меня, сражению. Серёжка Каташев с Тюней готовились отойдя в сторонку и Каташев обучал Тюню, как им ловко и просто меня победить. Я же надеялся на неожиданность и страх Серёжки, чтобы по одному их бить, а от двоих отступая делать выпады против одного. Тут-то и вмешался Сережа Сахаров. Он, видимо, давно наблюдал за нами. Кроме наших встреч с собаками, он уже привёз мне прошлым летом ежа, давал почитать «историю древнего мира», за пятый класс. Мы с ним ничего не говорили друг другу, но чувствовали свою особенность и отличие от других, не типичность.

–А почему вы все против одного? – спросил Серёжа, – Разве это честно?

–Но мы же по очереди, – возразил Вовка.

–Тогда и меня включайте в очерёдность, – сказал Серёжа.

–Но ты слишком силен для нас! – хмыкнул Вовка.

–У тебя с Колей в годах сколько разница?

–Два.

–А у нас с тобой разница в год! Но всё же, я согласен: вся ваша команда против меня. Так пойдёт?

–Пойдёт, – поразмыслив согласился Вовка.

–Отойдём, поговорим, – сказал Каташев, обратившись ко всем «своим».

Вся враждебная компания отошла и стали шептаться и договариваться, как побить шестерым одного. Серёжа и не по-

дозревал, как коварно они могут с ним расправиться.

–Серёга, кто-то один из них схватит тебя за обе ноги, в обхват, а остальные свалят и побьют, – предупредил я.

–Да-а? – удивился Сергей, не подозревая о такой простой тактике и моментально осознал, что ему грозит большая беда, а не лёгкая победа.

Компания вернулась.

–Ну, что? Начнём? – угрожающе предложил Каташев.

–А до каких пор дерёмся? – спросил устрашающе Серёжа, – до первой крови, до первых слёз, а может до первого выбитого зуба?

–Пока кто-либо не признает себя побеждённым! – провозгласил Вовка.

Костя Самаев, между тем, времени не терял, не сводя глаз с ног Серёжи, обошёл и приготовился повиснуть несбрасываемым грузом. Стало ясно, роль груза-клеща, на ногах Сахарова, досталась Косте.

–Отойдём на полянку? – сказал Серёжа и сделал несколько быстрых шагов в сторону.

–Начали!

–Начали!

Костя побежал к ногам Серёжи, но он предупреждённый мною, отбежал и побежал к Каташеву, хитрецу, не нравившемуся никому и стоявшему в стороне. Каташев побежал прятаться в толпу. Толпа к Серёже. Серёжа медленно убегать и, когда кто-то вырывался вперёд, хватал того и мягко, по-

борцовски бросал на траву. Тот поднимался и опять преследовал. Бить больно Серёжа не хотел, и драка превратилась в игру. Этот бег длился долго, Серёже уже надоело, и он остановился.

– Предлагаю – ничью.

Мои друзья-враги, уставшие от бега, хотя им и нравилось бегать за таким высоким и сильным мальчиком, согласились.

– Ну и расходимся с временным перемирием. Пойдём, Коля?

– Пойдём.

С того времени и установились наши отношения, и не совсем обычная дружба. Мы вместе дрессировали собак, и Абрек, казалось, всегда исполнял команды хуже моей Стрелки. Очень скоро мы дошли до команды: «Фас!» – и здесь Стрелка никак не желала злиться, но, тем не менее, хватала зубами за фуфайку, рвала и тянула. А вот Абрек, тот сразу хватал зубами, и только оттого, что знал меня, не применял настоящую силу в укусе.

Когда Стрелке было около семи месяцев, я ушёл в книжный магазин, там можно пропадать часами, это была святыня, книжный магазин и библиотека. Забыв о мире, я читал на корешках названия книг и спрашивал у продавца, о чём та или другая, тогда и появился в дверях Серёжа.

– Коля, – сказал он взволнованно, – твою Стрелку сбила машина.

Я, видимо, побледнел, и меня охватила дрожь, так что Се-

рѐжа перепугался.

–Коля, ты чѐ? Не волнуйся. Она жива, – успокаивал он, – жива, но встать не может. И никого к себе не подпускает. Твой отец пробовал подойти – кусается! Садись на рамку велосипеда, я тебя довезу.

Стрелка лежала в дорожной пыли. Задние лапы не слушались её, а толпа мальчишек пугала. Увидев меня издали, она жалобно и тихо заскулила.

–Стрелка, Стрелочка, – произносил я, ничего не видя кроме её глаз и неестественно отодвинутых задних лап, слѐзы и всхлипы сами неслись откуда-то. Тогда я первый раз ощутил настоящее горе и сочувствие. И что бы ни говорили о соба- чьем интеллекте, я навсегда запомнил, как собака доверяла мне, как разумно ждала помощи. Как я, обернув её курткой, нѐс домой, и, когда причинял боль, она взвизгивала, но не кусала. А до того на всех щѐлкала зубами. Даже на тех, кто приближался ближе метра.

Как я её выходил – не помню. Выходил и она с искривлён- ным тазом, и прозвищем «косиножка», через два месяца бе- гала за мной. Но чувства мальчика изменчивы. На следую- щее лето, когда Стрелка оценилась, мама отдала её и щенков Торощину Жоре. Тот отвел собаку в лес и застрелил из мел- кокалиберной винтовки, а после перестрелял щенков, тогда ещѐ слепых.

Но горечи я не испытывал. Да и мама обманула меня, ска- зав, что отдала её проходившим мимо пастухам. А правду

мне открыл через несколько дней Вовка. Он привёл меня в лес, и показал, где лежала в заброшенном шурфе Стрелка и её пять щенят. Тогда мне было одиннадцать лет, а теперь сорок восемь. Теперь у меня вторая собака. Она также имеет зонарный окрас, только не чёрно-серый, как Стрелка, а ещё примешано рыжего. И Рекс прожил рядом со мною почти четырнадцать лет. Он постарел, у него подбегает моча, всё пропитывается ею и воняет. Особенно отвратительно воняет шерсть. Я каждое утро, последние месяцы, мою возле собаки полы, протираю стены, стираю его тряпки, подстилая другие до четырёх раз в день. Всё это делаю с добавлением стирального порошка, дезинфицирующего раствора «белизна», но запах изо дня в день усиливается. И у меня не проходит горечь от приближающейся утраты.

3

Многое связывает нас с собакой. И чувство вины одна из ниточек в этой связи. Я всегда со строгостью относился к Рексу, начитавшись разных руководств по дрессировке, следовал им. А всё ли там правильно и научно. Теперь, имея опыт, я сомневаюсь во множестве правил и советов. Но когда-то, не имея опыта, эти руководства научили понимать поведение собаки, научили общаться с собакой на понятном ей языке – языке, создаваемом при общении и обучении. Собаки, как и люди, бывают умные и не очень, злые и добрые,

трусливые и самоуверенные, а воспитание только открывает эти способности. Тестируя Рекса на сообразительность, в полугодовалом возрасте, я получил результат: ваша собака – Эйнштейн в мире собак. Может быть, тестирование было предвзятым?

Купили мы Рекса в тяжёлые для простых людей времена распада СССР. Казахстан отделился, как и все союзные республики, но денег своих не выпускал, поверив кремлёвским бюрократам – ждали новые рубли. Шёл 1993 год. У всех бывших союзных республик были свои деньги. А в Казахстане старые, обесцененные рубли. А ещё и со всех республик эти рубли свозили в Казахстан и скупали оставшиеся товары. В магазинах пустые прилавки – опустошались, цены росли в геометрической прогрессии. Тогда-то мы и купили щенка за 20 000 «деревянных» рубликов, половина моих отпускных, двадцать пятого сентября.

Как сейчас помню этот день, как пришли в квартиру. Как хозяйева вывели мать щенков, высоконогую суку, зонарно-серого окраса, непонравившуюся мне. Я хотел зонарный окрас, но с тёмно-рыжим, и не такую высокую на ногах, и покрепче в костях.

–А сколько щенков осталось, покажите?

–Осталось два. У одного родовой вывих бедра, ну он исправится, а второй... – и они показали Рекса и назвали сумму.

Мне не понравился щенок, не понравилась его мать, в мо-

их мечтах всё было по-другому, и собака была другой.

–А родители с родословной хотя бы?

–Да, у матери есть родословная. А отец без родословной, но сходите, взгляните на него.

Наташа осталась в квартире, а я пошёл смотреть. Отец был красавец, мощный, крепкий, уверенный в себе кобель. Он сидел на цепи в загороженном пространстве и равнодушно наблюдал сквозь щели в заборе. Подойдя ближе, я сделал угрожающий взмах рукой. Пёс посмотрел и угрожающе оскалил зубы, не залаял, не сделал ложного выпада, а просто открыл чуть-чуть зубы. Пёс больше походил на собаку с родословной, чем мать Рекса.

Вернувшись в квартиру я увидел, что Наташа держит щенка на руках, и тот не беспокоится, а мирно прижавшись, дремлет. Я думал покупать или нет, а Наташа уже взяла щенка на руки, это и послужило решающим фактором. Я пытался отказываться, объяснять, что можно чуть подождать, но женское сердце было покорено доверием детёныша. Никакие аргументы уже не действовали, если до решения покупать, Наташа была противница, то теперь они втроём уговаривали меня купить. И, конечно же, мы купили.

Домой возвращались по старой улице, было прохладно, Наташа держала щенка под пальто, за пазухой. И тот, видимо только что поев, кряхтел и урчал.

–Рычун какой, – заметила Наташа, – прямо Рекс, вот уже и кличка готова. И кличка мне не понравилась. Всё склады-

валось так, что мне не нравилось.

–Рекс, не от слова рычать, это иностранное слово.

–Ну и что? А в этом случае оно имеет другое значение, а тебе не нравится Рекс?

–Ну, всё же у нас в семье демократия. Поглядим, что скажет Олег, не будет против, то и пусть будет Рекс.

Олег не был против, два голоса и решили кличку будущего друга. А придя домой, отпустив щенка на пол, кроме клички нужно было решить, где щенок будет жить, где спать и где есть. Наташа хотела, чтобы Рекс спал дома, но весь день проводил во дворе. Я был за то, чтобы собака всегда могла войти в дом и выйти, спала только дома, хотел иметь выдрессированную собаку, которая всегда была рядом. После коротких споров и препирательств, выдворили Рекса на двор, где я соорудил загончик. Пребывание в загоне послужило тому, что щенок научился лазать по вертикальным дощатым сооружениям, и навык остался на всю жизнь. Но жить пёсик, всё-таки остался в доме, но дальше коридора проход ему был запрещён.

Первый месяц, пока я был в отпуске, послужил тому, что я обучил щенка самым элементарным правилам и командам: гадить только во дворе, по первому требованию идти на место, – а место Рексу определили в прихожке, откуда он без разрешения не выходил. В прихожке был стенной шкаф, первые месяцы в нём и планировали отдых и сон щенка. Но в шкафу спать Рекс не спал спал просто в прихожке, между

ремя комнатами: между кухней, Олежиной спальней и залом. В первую ночь он пробовал скулить, затосковав по матери и дому, но я пришёл и какое-то время посидел рядом. На вторую ночь щенок уже забыл о том, что он жил где-то в другом месте и все мы сделались для него самые родные. А через несколько суток забыл о жизни вне нашей семьи, и радовался вниманию, которое ему оказывали, и радовался командам и обучению, и с возбуждением выполнял все, что от него требовали.

Находясь дома, он был спокоен, гуляли рядом, он тоже не проявлял беспокойства, но оставаться один в чужой обстановке долго не мог привыкнуть. Этому он научился когда состарился, а мы переехали в квартиру.

4

Первые месяцы Олег много и подолгу играл с Рексом, если вначале я противился этому, как-то пытался повлиять, то вскоре понял – это приносит пользу щенку. Он развивается общаясь с Олежей, любое общение с людьми развивает щенка. Пусть мне кажутся плохими игры, но они играют и понимают друг друга, Олег предлагает условия и Рекс принимает и пытается понять то, что ему нужно делать.

Первый год был насыщен событиями. Дрессировка шла успешно, в полгода щенок освоил большую часть команд. Но полного послушания я так и не добился до конца его жизни,

и, будь Рекс на службе, его подвергли бы выбраковке. Возможно, в сторожевые или в караульно-сторожевые, хотя по следу шёл хорошо и быстро, но дисциплинированности для караульно-розыскной, не хватало. Как я обучал собаку командам? Многие не знающие психологии животных люди, считают, что собака должна сама понять и выучить команды. Собака рада бы, но как ей понять, что от неё требуют? С воспитанием и дрессировкой Рекса, на многое переменились мои взгляды. Читая и применяя на практике методы и способы дрессировки, я лучше понимал щенка. Это длительный и кропотливый процесс. И он должен проходить каждый день, день за днём, постепенно и с повторением пройденного. Своего рода учёба. После первой команды, отзыв на кличку, пришла пора обучения. Отзыв на кличку и команда «место», базовые во всей дрессировке собаки. Прежде произношение клички – дача лакомства, пока не начнет откликаться на кличку и подбегать. И затем приучаешь подбегать, обходить тебя и садиться с левой стороны. Затем начал отработку команды «место».

–Место, – и лакомством приманиваю к месту.

Лакомство отдаю позже и позже, и приходит время без лакомства щенок улёгся на своё место, а лакомство получает после того как лежит. Постепенно дача лакомства всё дольше и дольше задерживается, а после не даётся вовсе. Каждая команда – длительный процесс. Понимание, выполнение, закрепление, повторение изо дня в день. Вскоре лакомство за-

меняется поглаживанием и поощрительными словами, которые собака воспринимает после обучения с не меньшей радостью, чем кусочек мяса. И так каждая команда. К примеру, команда нюхай – ищи, отрабатывалась в два этапа. Первый – нюхай. Подставляешь кулак, в кулаке маленький кусочек мяса, буквально один раз лизнуть. Говоришь: «Нюхай», – и подставляешь кулак к носу. Щенок принимается нюхать и пытаться залезть носом в кулак. Отдаёшь лакомство. Повторяешь по пять, шесть раз в день. Щенок начинает реагировать на команду «нюхай». Затем кладёшь лакомство у ног, закрываешь ступнёй. А когда он, понюхав, не найдя в ладони ещё не верит и упорно нюхает, обыскивая ладонь, даёшь команду «ищи», и подводишь кулак к мясу. Это первый этап. На него ушло у нас с Рексом около недели. Второй этап, когда щенок понюхав кулак, по команде «нюхай», идет несколько метров по следу прочерченному мясным запахом. После усложняешь, заменяешь мясо, тряпочкой или ещё какой вещью, каждый раз меняя эту вещь, чтобы не возникало ассоциации именно с этой вещью. И после того, как он находит, даёшь лакомство. Затем не метишь мясным запахом, а щенок всё же ищет вещь. И на этом этапе, длительном и постепенном, меняешь вещи, и шаг за шагом отдаляешь находку. Эту команду Рекс совершенствовал ни один год. Он хорошо шёл по следу, находил и приносил в руки. И так каждую новую команду. Повторяя пройденные, и шаг за шагом выучивая новые. Так что обучение собаки, походит на изу-

чение иностранного языка и дрессировщик, точно преподаватель, чем грамотнее, тем легче собаке выучить то, что от неё требуют, но не только выучить, а ещё и понять, что от неё нужно.

Зимой у Рекса выпали молочные зубы и появились постоянные, белые и крепкие. С виду взрослая собака, он до лета оставался боязливым и ласковым щенком, не желавшим кусать никого. Только играть и дурачиться. Весной случилось ему быть сбитым кавказской овчаркой. Мы гуляли на сопке в сосновом бору, месте отведённом для выгула собак. Там многие гуляли со своими питомцами. Злобных обычно водили на поводке. И Рекса я чаще всего держал на поводке и контролировал. А тут отпустил, а мужчина с овчаркой оценил ситуацию как опасную, и отпустил свою кавказскую. Здорового и сильного кобеля, сразу налетевшего на Рекса, сбив его. Рекс не ждал такого нападения, это перепугало, он ещё был молод и ему хотелось со всеми играть. Он завизжал с перепуга по щенячьи, казалось ему причинили нестерпимую боль. Но я-то видел – его не кусали, хотя клыки волкодава были занесены над горлом. От укусов его спас я, подскочив и крича «фу», подставил над поверженным Рексом сумку, защищая от зубов горло.

А может быть мужчина, отпустивший своего волкодава, хотел дать своему псу возможность попробовать свои силы на такой собаке как мой Рекс. Но, во-первых, я не дал, а во-вторых, собаки часто разумнее и благороднее своих хозяев.

Визг тоже спас моего пёсика, если не от смерти, то от травм. С тех пор Рекс стал понимать, что не все хотят с ним играть, и не все добры к нему, наоборот, мир опасен и зол. С этого удара грудью, всех собак он начал воспринимать как опасность. Только знакомые собаки оставались друзьями. Или те, что слишком добрые и слабые. Но так, как произошло с волкодавом, уже не могло повториться, он всегда был готов встретить неожиданное нападение. И сам стал злобный и недоверчивый.

Я был строг и никогда не позволял ему вольности, в жизни моей встречалось множество «добряков» ласкавших собак, позволявших им многое в хорошем настроении. Но вскоре, закономерно, не выдерживая плохого поведения своих питомцев, пытались отдать в «хорошие руки». Кто-то не выдерживая невоспитанности и бестолковости собаки, начинал в горячах воспитывать тумаками и ударами. И все эти люди, я думаю, сетовали на то, что собака им попала глупая, с плохой наследственностью. Но я знал, как бы ни хотелось побаловать щенка, простить ему шалости, позволить что-либо – этого делать нельзя! Лучше в хорошем настроении лишний раз поиграть, приласкать, угостить или похвалить собаку, и больше пользы и не меньше радости. Но строгое воспитание для собаки – неперемнное условие того, что в будущем вам будет легко с ней, и не будет проблем если у собаки, не дай бог, конечно, появится новый хозяин. А строгость моя заключалась в том, что я не позволял без команды есть, не

позволял прыгать на людей и лизать их в лицо. Кладя лакомство, ждал несколько минут, прежде чем сказать «возьми», так что у Рекса бежали слюни струйкой толщиной в спичинку. И ещё много «нельзя» и «фу» звучало для собаки, дисциплинируя и обучая ждать и подчиняться. Многие знакомые и друзья следом за нами, глядя на то, как хорош и умён мой пёс, заводили собак. Но ни у одного из них не было такого умного и обученного команд друга. И прожили все собаки, которых заводили друзья, куда меньше Рекса. Однако Наташа всегда возражала против моей строгости.

–Коля, – говорила мне она, – я не могу смотреть на эти издевательства.

И большинство людей испытывают похожие чувства, им тяжело смотреть на то, что собака не может съесть, но хочет. И как не объяснял, как не пробовал убедить – бесполезно. То, что я называл воспитание дисциплины, Наташа – моя жена, называла издевательством. И Рекс, всё чувствовал, если меня, пробегая рядом по тропинке, он оббегал, то Наташу толкал корпусом, сдвигая с тропы. У него в иерархии не было надуманного, как и у всех животных, слаб характером – уступи и пододвинься. Но это не мешало ему рычать на меня, когда я начинал кричать и спорить с женой.

К лету Рекс стал красивым и мощным кобелём. У него, от постоянных тренировок и прогулок, на которых я гонял собаку, заставляя бегать и выполнять различные упражнения, тело окрепло и мышцы под шерстью, перекатывались точно

у атлета. Самой эффективной тренировкой был бег вслед за брошенными камнями. Не успевал он добежать до места падения первого камушка, как я окликал его показывая следующий. Возбуждал поощрительными возгласами, поощряя к тому, чтобы схватить камень на лету. Рекс, припав к земле, летел почти, на невероятной скорости и, прямо перед носом, камень улетал и отдалялся. Пёсик вкладывал все свои силы, но догнать не мог. Так же я приучил его плавать и даже нырять в поисках камешков брошенных в воду.

В начале лета я с Олегом и повзрослевшим Рексом поехали на водохранилище, отдыхать. Рексу поставили прививку от бешенства, сделал намордник, однако как его одену, не представлял. Взяли с собой палатку, два спальных мешка, котелок, другие принадлежности, чтобы жить вдали от дома. Проехали на поезде четыре часа, затем пересадка, и ещё шесть часов. Рекс с первой же минуты, не приученный к движению поезда, забеспокоился, занервничал начал скулить, заглядывая в глаза просить защиты. Пришлось идти в тамбур, садить его на ящик для мусора, открывать окно, чтобы он мог смотреть, что происходит за окном. И это на какое-то время успокаивало собаку. К концу первого отрезка пути, я глубоко жалел, что взяли с собою пёсика.

Спать он не спал, сидеть не сидел. Постоянно и тихо скулил и беспокоился. В этом, конечно, виноват был я. Я должен был приучить к переезду на транспорте, а у меня до этого не дошли руки. Вторая часть пути на поезде до самого места,

выпала на ночь, и Рекс перестал скулить, но открылась другая неприятность не менее плохая. У него полезла шерсть, не то от жары, не то от волнения, и купе наполнялось шерстью, не только лежавшей на полу, но и летавшей в воздухе. Пассажиры попались терпеливее, чем я ожидал, и стойко сносили нас и мою беспокойную собаку. А утром, выйдя на станции «Алтайская бухта», мы перешли на не обжитый берег водохранилища и там разбили палатку.

Три дня стояла жара, от которой не укрыться и не спрятаться. Рыба, на которую я рассчитывал, не ловилась, приходилось питаться тем, что взяли из дома и покупали в магазине. Одно радовало, Олег и Рекс не вылезали из воды, с раннего утра и до позднего вечера купались, оглашая шумом берег, плавали на прибившемся к берегу бревне, и только короткие минуты лежали у палатки под сооружённым из одеяла тентом. Во время их игр, Рекс бывало, уплывал так далеко, что я боялся сможет ли он приплыть обратно. Олегу же, естественно такие заплывы запрещались, к тому же плавал Олег не так как в его возрасте умеют плавать многие мальчишки. Там же случилась досадная неприятность, о которой я узнал к концу лета.

Ночью на берег приехали две машины и встали лагерем недалеко от нас. Утром компания разожгла костёр, и стали готовить на мангале шашлыки, из барана которого привезли с собою и зарезали. Один из мужчин пришёл к нашей палатке.

—Можно угостить вашу собаку?

—Нет, я ей запрещаю брать от посторонних еду.

—А я вам и отдам, баранью голову, а вы и угостите, жаль столько мяса пропадёт, а собаке на пользу.

—Спасибо, так можно. К таким изыскам собака не привыкла, и будет довольна, столько мяса она не получала ещё ни разу.

В этой голове оказался паразит, к счастью, безопасный для людей, а только для баранов и немного для собак, как промежуточных хозяев. Рекс заразился этим ленточным цепнем. Вскоре, по приезду домой мы заметили, что возле него появляются небольшие прямоугольные членики, какое-то время ещё остающиеся живыми. Они выходят из собаки. В кале тоже обнаружилось их присутствие.

Я пошёл в библиотеку и отыскал в справочниках информацию об этих глистах. И о том, как от них излечиваться. Лечение я проводил с порошком корневищ мужского папоротника, карловарской соли и растворимого кофе. От моего лечения Рекс едва остался в живых. После того как я, по расчётам на вес тела, скормил ему порошок истолченных корней, он начал слабеть и раствор карловарской соли, я вливал ему ослабшему, с пульсом едва прослушиваемым и продолжавшим стихать. Тогда и пришлось вливать крепчайший раствор кофе.

Через десяток минут, пёсик начал поднимать голову, а ещё через десять я повёл его на реку, нужно было двигать-

ся. Овечий мозговик, так назывался паразит, должен быть изгнан, пока его парализовал порошок папоротника. А раствор карловарской соли, должен помочь в этом. Потому мы и пошли гулять. Гуляли долго, и я уже не верил в лечение, идя домой, как у собаки открылся понос и в одно из приседаний глист, похожий на цепочку из сваренных макарон, вышел. Я присыпал его землёй. Но бараны, которых разводили из года в год, жившие на соседней улице турки-месхетинцы – исчезли. Я думаю, животные заразились от Рекса, и хозяйва зарезали их. И с того года, баранов больше не разводили. Рекс с того дня излечился, а я, прочитав немало литературы о паразитах, два раза в год проводил ему профилактическое лечение от глистов.

5

Осенью, когда у собак начинается гон. Суки метят кругом, где пройдут своим запахом, призывающим и зазывающим. А кобели сходят с ума, дурея от запаха. Рекс сходил с ума больше других. Он менялся, оставаясь без присмотра, не оставлял попыток сбежать, и сбегал.

После первого побега, ранним утром пришёл сосед.

–Пойдём, заberi своего прыгуна. Утром просыпаюсь, а твой кобель у моей суки в загоне. И загон-то, сам видел, с забором в два метра. Я свою суку вывел, а твой остался. Не знаю, успел, нет, ей рано, нужно только через полгода, растёт ещё организм. Как он перепрыгнул? Но если оценился, суразят принесу тебе.

– Подожди, поводок возьму.

Рекс и не желал уходить. Запах суки с течкой менял его. Когда я надел ошейник, угрожающе зарычал.

– Ах, ты... Сукин сын. Ты это на кого? – строго укорял я, но замешательство было, и чувство опасности испытывалось, только с годами я стал понимать, только угрожает – не укусит.

Ему только доходил второй год от роду. Вскоре, по первому снегу, снова сбежал. Меня первый побег не научил. Ведь я знал уже о его способностях в лазании, уже поднял верх у забора, прибив перекладины с наклоном внутрь, но и это не помогло. Я уже полгода боролся с побегами, отыскивал лазейки, заделывал, поднимал забор в тех местах где Рекс их находил. Казалось, всё хорошо, не выбраться – но нет, выбирался. А в те времена ещё носили шапки из собак, не все, а некоторые, а были и те, кто ел собачье мясо. Кто с надеждой на излечение от туберкулёза, а кто от того, что есть было нечего. Собака против человеческой хитрости всегда в проигрыше. Человек сам обучает, приручает животное, вырабатывает определённое поведение. А другой, тот, что смотрит на существо высокоинтеллектуальное, как на кусок мяса или мех, ловит и использует.

Мясо.... Человек тоже из мяса. И шкура могла бы пойти в дело. Большая ли разница?

– Так можно дойти и до коров, и до свиней с курицами, – возразит кто-то.

А я и здесь не вижу разницы, хотя грешен, жру мясо.... Но жру и сознаю! И вкус мяса никогда не вызывает у меня восхищения и особого аппетита.

Но Рекса, слава богу, никто не поймал и не съел. Наверное, он для этого был слишком красивым и мощным, чтобы кто-то решил пустить его на мясо или шкуру. Но в тот побег, по снегу, в первые морозы, когда он убежал по следу суки с точкой, я был напуган.

Я выпустил его на двор, через пятнадцать минут вышел проверить, а его уже нет. Был ранний зимний вечер. Быстро одевшись, пошёл по следу. След шел в начало улицы, затем поворачивал назад и тянулся до крайнего дома, где по переулку перебежал на соседнюю улицу, более протяжённую. Там, чуть наследив, пёс круто остановился, попытался кого-то обойти... И здесь следы терялись.

«Неужели, – думал я, – его поймали и увели? И куда? И зачем? Может для охраны? А могут и для еды?»

Вернувшись домой и рассказав обо всём Наташе, мы решили искать. И около четырёх часов бродили по улицам и звали Рекса. Никто не отзывался, никто не попадался нам на глаза. Решили, что завтра с утра, перед работой, я пойду и дам объявление на радио, пообещав хорошее вознаграждение. Сходил, дал объявление, заплатив за срочность, а сами продолжали поиски, но всё было бесполезно. На третий день поисков нашёл молодую немецкую овчарку, на куче мусора, занесённую снегом. С неё была снята шкура и срезано мя-

со. Шкура осталась на лапах, хвосте и морде, а мясо срезано только мякоть со спины и задних лап. Трогая окоченевший труп собаки, я не мог вспомнить, как выглядел Рекс. Особенность трупа, искривлённый коготь белого цвета и, казалось, что это мой пёсик. Я трогал и трогал труп собаки, и не мог определить, не мог прийти к выводу: Рекс или ни Рекс. Теперь, когда прошло много времени, вспоминая, понимаю, схожесть минимальная, но тогда потрясённый – не понимал. Не понимал и не смогу забыть то, как у трупа собаки была перевязана проволочной петлей морда, и тонкая проволока врезалась в плоть, разрезав до кости. Негодование и ярость смешались во мне с ужасом и жалостью. Я по себе понял, как страшен может быть человек в жажде мести. До того я не испытывал подобных чувств, но здесь готов был сам терпеть любые муки, но того урода, который так обошёлся с собакой, с Рексом, возможно с живого снявший шкуру! Разные нелепости приходили в голову, выследить и наказать изверга, наказать на всю оставшуюся жизнь, например, сделать калекой. Например, переломать пальцы рук, выколоть глаза! О, ужас!

Ярость и гнев кипели с полчаса, а придя домой остались боль и печаль. А долгими часами вечера сверяясь с Наташиными воспоминаниями об особенностях у Рекса, я понял, что та собака, ни Рекс – пришла надежда, что глупый пёсик может вернуться. И вскоре он прибежал. С виноватым видом, как и после каждого побега, жалобно поскуливая, будто мы потерялись и бросили его. Со стойким запахом помоек

и следами угольной пыли, натёртости на шее от верёвочной петли и куском оставшейся верёвки. Прежде чем запускать в дом, я в бане тщательно его вымыл, дал дома у порога обсохнуть, так что Рекс стал походить на себя. С этого дня решил – лучше цепь, чем к кому-либо на стол едой. Протянул проволоку от калитки до дома, по земле, с короткой цепью и ошейником из воловьей кожи. И после суточного сна собаки, выпуская на двор, садил на цепь, а запуская на веранду или домой, снимал ошейник и давал временно собаке свободу.

С Рексом сын, Олег, до того боявшийся оставаться дома один ночевать, больше не боялся. И если мы отправляли его ночевать к бабушке, то он возвращался, запускал собаку в дом, и спокойно спал. Рекс слышал далеко и чутко. Он определял когда кто-то останавливался у калитки в дом. За десять – пятнадцать метров, через стены или окна, настораживался, а порой и злобно рычал или лаял. Давая понять, остановившемуся, здесь злая собака. Олег всё это видел и доверял Рексу. Я тоже, до того боявшийся в лесу встречи с медведем, стал бродить, порой уходя безбоязненно в глухую даль...

Рекс помогал в решении многих проблем. У нас из года в год воровали куриц, а цыплят давили кошки. С появлением и возмужанием собаки, я научил её гонять кошек при любой встрече. В то лето, когда мы купили щенка, у нас кошки задавили больше десяти цыплят, и цыплят успевших подрас-

ти до месячного возраста. Но с возмужанием Рекса, кошки обходили наш двор стороной. С ворами куриц дела обстояли не так же хорошо, они нет-нет да улучали возможность красть. Теперь они выбирали грозу. Точно знали, когда сверкают молнии и грохочет гром, собака прячется и трусит. Царапает двери, если мы не запускаем её, грызёт на дверях доски, травмируя занозами дёсны.

А ещё через год я узнал, что Рекс при случае бросится на защиту. Узнал об этом гуляя с ним, на поводке, проходя мимо знакомых, пьяных и шумных, махавших руками и, увидя меня, один из них предложил:

–Напугать твою собаку?

Я пожал плечами, мне не хотелось испытывать Рекса, я медленно приучал его кусать знакомых, как бы играя пока, и кусать за защищённую валиком руку. А здесь пёс мог напугаться, сломаться и уже никогда не смог бы защищать. Но пьяный не захотел понимать моего пожатия плечами, и, говоря угрозы и жестикулируя, как по настоящему, агрессивно, приблизился к нам быстро для пьяного, и сделал выпад в мою сторону. Рекс, мгновенно и неожиданно взвился в воздухе, точно целя зубами в горло. И если бы я не придержал, попал точно в горло, но я придержал, и щелчок зубами не достиг цели. Рекс, встав на землю и сообразив, что не попал, приготовился к новому прыжку.

–Ничего себе! Он чуть в горло не впился! Хороший пёс, смелый, я на многих собак так шёл, обычно прятались за хо-

заяв. Сколько ему?

–Молодой ещё, второй год только.

–Хороший защитник, надумаешь продавать, я первый покупатель!

А другой раз, сидя во дворе у тёщи, компанией, беседуя, не заметили, как подкралась подружка, и выглянула к нам из-за забора. Было темно, и собака лежала у ног и дремала. Подружка хотела напугать, а может пошутить. Но Рекс не напугался, а с рыком прыгнул к горлу, но в этот раз в прыжке, сам узнал девушку. Она была из тех знакомых, к кому он относился с большей любовью. Узнал и стал поскуливать – извиняясь и виляя хвостом. Напугались тогда все, дорисовывая, что могло произойти.

Быстро прошли года, сын уехал учиться в Новосибирск, оставив нас с Наташей тосковать и лить слёзы. С деньгами, как и всегда, у нас была острая нехватка. Приезжал Олег два раза в год, приезжал с тоской и печалью, уезжал со слезами. Мы были ближе и доверительнее в отношениях, мы сильнее любили и ценили друг друга в этом мире. Олежа с трудом адаптировался в чужом городе. Жил там в общежитии, а дома у него всегда была своя комната. По привычкам и отношениям с миром был, как и я, любил одиночество, но крепко привязывался к родным людям, и тосковал.

Олег уехал учиться, когда Рексу было уже шесть лет. После того, как Олег, прожил в Новосибирске четыре года, мы переехали в квартиру, в один из микрорайонов, построен-

ных в последнее десятилетие СССР. Рексу больше не нужно было сидеть на цепи, на холоде, когда мы уходили из дома.

Переезжали на восьмое марта, днём стояло тепло, а ночами подмораживало. Собаке сразу определили место, как и дома – в коридоре, до порога в зал и до середины коридора от входных дверей. Как и дома привязали на резинку вместо цепи – символ ограничения в передвижении. Потянув чуть сильнее, резинка лопнет, но воспитание не позволяло Рексу этого делать.

Теперь гулять мы с ним ходили три раза в день по полчаса, на место, отведённое для выгула собак, за трубой, в поле. В выходные уходили в сосновый бор, или ещё куда-нибудь, где можно было отпустить Рекса с поводка. А здесь, где гуляло много собак, у Рекса несколько раз произошли стычки. Я его всегда водил на поводке и в наморднике, как предписывала городская администрация. В месте выгула, если не было других собак, я спускал с поводка, а намордник снимал, как только выходили за жилые дома. И в одну из прогулок, когда я снял намордник, но не отцепил с поводка, к нам бежит кобель немецкой овчарки, крупнее Рекса. Бежит потрепать собаку, зашедшую на его территорию. С поднятым хвостом и поднятой головой, не сводя с Рекса взгляда. Он, это явно, плохо воспитан доброхотной хозяйкой.

–Грозный, фу! – кричит хозяйка, – отгоняйте его, он людей не кусает, только собак, вам нечего бояться!

Но Грозный не слушает, ни хозяйку, ни меня, ступившего

на встречу и что-то говорящего ему. Он имеет дело до Рекса. Попугать, ну может чуть и покусать. Делать нечего, и я выпускаю из рук поводок, этим пробуя предотвратить драку. Собаки на расстоянии более метра от хозяина, уже могут не драться, это уже не их территория. Это уже нейтральная, а на нейтральной они менее агрессивны. Чаще дело заканчивается обнюхиванием.

Но Грозный не знает Рекса, как и не ожидает на слабое и грозное рычание, Рекс, наученный кавказской овчаркой в подростковом возрасте, отвечает молниеносной атакой. Противник растерян, сметён и бежит к хозяйке за спасением. Рекс следом. Я бегу, чтобы поймать свою собаку, вошедшую в раж и гоняющая Грозного возле ног хозяйки. Грозный убегает и изворачивается, а по собачьим правилам, он должен лечь на спину и подставить горло, убегая, он не сдаётся, – этим не признавая главенства другой собаки.

–Фу! – поймав поводок, команду я, – извините что отпустил, но я думал, отойдя от хозяина, они драться не будут.

–Ладно, ладно, – соглашается женщина, несмотря на обиду в голосе, за посрамление Грозного.

6

Сколько тропинок, сколько горок и полянок исходили я и мой верный друг Рекс. Он никогда не отбежал далеко от меня и не отставал. В возбуждении устав от ходьбы, кружил рядом, вынюхивая и отыскивая чьи-то следы. Увлекаясь и забыв обо мне, когда был молодым и неопытным, вдруг об-

наруживал, меня нет рядом. Возвращался, находя след несся по следу туда куда ушёл хозяин. Где-то, я, убегая делал крутой поворот, собака проносилась мимо, возвращалась, отыскивала след, и бежала дальше. Когда находил меня, радости не было конца. Ах, если бы он знал, что так я обучал его быть бдительным и не выпускать меня из поля наблюдения. Поэтому-то Рекс всегда, где бы мы не шли, следил за моими передвижениями, стоило мне чуть наклониться и он, если чуть отошёл, бежал ко мне. Если я обращал в какую-то сторону своё внимание, он тоже прислушивался. Если слышал и определял другое существо в той стороне, глядел на меня и ждал команды, что я скажу.

Однажды, не далеко от города, километрах в десяти, в тайге, у подножья гор, Рекс стал беспокоиться. Затем шерсть встала на загривке, точно он вырос вверх и стал выше и мощнее. Весь напряжился и медленно повел головой за кем-то, кого не было видно и слышно. Рекс чуял, слышал, опасался и, рыча едва слышно, предупреждал – не подходи, уходи. Этот кто-то, судя по взгляду собаки, следящей за ним, передвигался быстро и обходил нас полукругом. Возвратившись домой, вскоре я узнал, что там, невдалеке, поймали в тросовую петлю подраненного медведя, задравшего корову. Поймали на протухшую коровью требуху, закопанную между деревьями, где и установили петлю. «Так вот на кого Рекс рычал», – подумал тогда я. В тот же день, возвращаясь домой, мы свернули к озеру, образованному в провале. Там купа-

лись мальчишки, а на противоположном берегу паслось стадо коров, рядом с дремавшим на траве пастухом. Я, раздевшись, пошёл купаться, Рекс не отставал. Пока мы плавали и грелись на солнце, стадо передвинулось к нам ближе. Еще немного и коровы потопчут одежду.

«Дай-ка, – подумал я, – отгоню их, ведь Рекс пастушья собака и должен отогнать умело».

–Фас, их! – махнув рукой в сторону самой ближней коровы, не громко приказал я.

Рекс с места пустился в карьер, низко стелясь по земле, в мгновение настиг корову, скорее от удивления, чем для защиты начавшей поднимать голову. А пёс, не останавливаясь, в прыжке, впился корове в шею. Корова подняла голову вместе с повисшей собакой. Что для коровы сорок килограммов? И не то копытом, не то коленом поддала собаке под зад. Всё произошло так быстро и неожиданно, что ни я, ни корова не поняли. И Рекс, вероятно мало что понял, пролетев в воздухе около трёх метров, перевернувшись через голову упал на основание хвоста, прямоком на свежую влажную кротовину. Она и спасла его от травм. Упав, взвизгнул и, подскочив, уже опять устремился в драку, но я уже командовал: «Фу! Ко мне!».

Насколько глубоко он поранил корове шею, я не заметил. Подбежав к Рексу и глядя его, я ощупывал возможные травмы. Но на удивление, травм не было. Такой высоты кувырок, ещё и с падением, прошли бесследно. Не обнаружив травм,

я стал искать глазами ту злосчастную корову, но стадо в испуге отошло.

Пастух и мальчишки, стоявшие недалёко от нас, ошеломлённые не сводили с нас глаз. Я всё оценил и взвесил, а они как будто ждали чего-то ещё. В удивлённых застывших позах рассматривали меня и мою собаку. Никто не ожидал такой резвости от собаки. Я с того раза не повторял опытов с отгоном коров, баранов или других животных.

После переезда в квартиру, Рекс в походах стал пристраиваться сзади. Я считал это обучение и дрессировка, не замечая, что придя домой и вымыв собаку в ванне, она лежит дольше обычного, прежде чем восстановиться. Теперь я знаю, собачий век короткий, и чем крупнее собака, тем короче век. Служебные собаки как моя, на службу принимают до восьми лет, а на пенсию уходят в девять. Рексу было одиннадцать. Он уже был пожилой для собак. Я отмечал его легкую хромоту, отмечал мозоли на локтевых сгибах, пожелтевшие и сточившиеся зубы, отмечал, но не принимал его старость.

В лето, когда Рексу было одиннадцать лет, к моим знакомым приехал мальчик шестнадцати лет, по имени Антон.

–Коля, ты часто ходишь в лес? – спросили знакомые.

–Ну, не так чтобы очень..., Два, три раза в месяц хожу.

–Как пойдёшь, возьми Антона. Ему хочется в лес, в горы, а сходить не с кем.

–Приходите, обговорим.

Пришли, обсудили. Решили через день идти на ближайшую вершину, попутно набить кедровых шишек. Рекс с нами. На следующее утро, Антон с рюкзаком пришёл к дому. Я и Рекс ждали, спустившись с четвёртого этажа. Рекс дрожал от возбуждения, натягивал поводок то в одну, то в другую сторону, вынюхивал в скверике у дома деревья и кусты. Изредка поднимал на меня полные удивления глаза, мол, почему не идём в лес, ведь мы, кажется в лес пошли?

Когда подошёл Антон, мы отошли за дома, я отпустил собаку с поводка. Пока шли по асфальтированной дороге, было опрометчиво не следить за Рексом. Легковые автомобили нет-нет да проносились мимо нас. Встречались на пути, то люди, то собаки, то свиньи или куры. Курицы меньше всего интересовали собаку. Он помнил и знал тех, что были у нас, знал, что их нельзя кусать, с ними нельзя играть, да и со всеми другими животными нельзя. Издали, видя кого-то, смотрел мне в глаза и ждал команды. Я хлопал чуть заметно ладонью по ноге, что означало – ко мне, и Рекс спешил выполнять. Подбегал, я пристёгивал поводок и тогда он, расслабившись, наблюдал за существом, таким интересным и загадочным. Перед подошвой гор, у производственного здания, к нам, как и каждый раз, прицепилась мелкая собачонка. Старая знакомая, терроризировавшая всех проходивших мимо собак и людей. С каждой встречей, понимая свою безнаказанность, собака приближалась к самым лапам Рекса, то с одной стороны, то с другой. И в этот раз едва не тянула

зубами сзади, хорошо он прочувствовал дистанцию, и круто развернулся к лающей и злобно скалившей зубы собачонке. В этот раз она долго и злобно преследовала нас, и, пройдя на безопасное расстояние, я спустил Рекса с поводка.

—Отпустили бы раньше, — огорчённо, с обидой за Рекса и за нас, проговорил чуть слышно Антон.

—Нельзя, моя собака должна быть воспитана. Я хочу послушную, уравновешенную и умную.

—Значит пусть кусают его такие шавки?

—Ну, укусить он себя, как ты видел, не позволил. А такое поведение, как у многих, оно доставляет часто большие проблемы. Я отпускаю тогда, когда уверен, ничего не случится, никого не укусит и я контролирую поведение своей собаки. Гуляй, Рекс.

Отцепив с поводка, я некоторое время ещё следил за ним. Всё было так, как я делал всегда, и он всегда спокойно продолжал следовать в сторону леса, но в этот раз собачка довела его. Он побежал в сторону леса, как бы и не помня про то, что существует какая-то надоедливая собачка. Я всегда зорко следящий за поведением и движениями Рекса, расслабился. Лишь краем глаз посматривал за ним, он пробежал к лесу, затем чуть в сторону, как бы вдоль леса. Вдруг понёсся, что было сил в сторону собаки. Он перехитрил меня. Кто бы стал рассказывать не поверил, всё произошло так, словно он просчитал свои действия и мои, и не просто просчитал, но и схитрил. Что здесь происходит? Рассудочная деятель-

ность ли, навыки, привитые и приобретённые за десятилетие жизни рядом с одними и теми же людьми? Но в простые рефлексы – я не верю. Что-то более сложное и мало отличимое от мыслительного процесса. Я рванулся наперерез. Я сразу понял его намерения. Но скорость моя и его, были разными, хотя и расстояние от меня до злосчастной собаки было в три раза меньшим. Собака поняла опасность, и побежала к ногам вышедшего хозяина, старого деда с палкой вместо костылька. Но дед сам был напуган крупной собакой, набежавшей молниеносно и не издавшей ни звука. Рекс схватил собаку за загривок и принялся трясти из стороны в сторону. Собачка визжала так, что казалось, ей причиняют нестерпимую боль, несовместимую с жизнью. Когда я подбежал, Рекс выпустил собаку, продолжавшую визжать, прося защиты и жалуясь. Она прижалась к ногам деда и той злобы, что показывала всегда, не было и следа.

–На поводке своих волкодавов надо водить! – злобно сказал дед.

–Извините, как он проскочил, не заметил. Извините.

А Рекс, взятый снова на поводок, испытывал небывалое умиротворение, довольство жизнью и прошедшей воспитательной работой. Антон тоже был доволен, хваля и подбадривая Рекса. Только я ругал и грозил, но мои угрозы ничуть не испортили радости от произошедшего ни Антону, ни Рексу. И работа по воспитанию, действительно не пропала, собачка запомнила нас и лаяла после этого происшествия только из-

дали, не пытаясь больше приблизиться и куснуть сзади.

7

Подойдя к краю леса, сделали первый привал. Антон не уставал. Небольшого роста, щуплый городской мальчик, он имел выносливость, которой имеют в наше экологически не здоровое время, немногие. Кому приходилось подниматься в крутую гору достаточно продолжительное время, знают, что такой подъём походит на бег. Начинает не хватать воздуха, ноги деревенеют от ходьбы, во рту появляется сухость и жжение. Я чаще хожу с Рексом вдвоём, и темп ходьбы задаю я, но с кем-то третьим, как правило, тот не выдерживает моего темпа. Тогда я начинаю лениться, и новый темп вызывает усталость и лень. Но Антон шёл ровно и упорно. Когда мы поднялись на хребет гряды, медленно поднимающейся и с торчащими кое-где выпуклыми и острыми пиками и вершинами, он не выказывал усталости, наоборот горел всё больше желанием продолжать движение. В одиночестве, я после подъёма не делаю на хребте привала, а продолжаю движение, и ходьба по тропинке восстанавливает дыхание. Но с кем-то, надо учитывать физическую подготовку других, поэтому спросил.

—Антон, привал?

—Вы, устали, то привал. А не устали, из-за меня привала делать не нужно.

Здесь, наверху, другие травы, другие цветы и растения. Мы продолжали движение и теперь подъемы встречались ко-

роткие и не крутые, а лес состоял больше из лиственниц, с вывернутыми ветрами ветвями. Деревья простояли более сотни лет, некоторые ветви, отходившие в сторону, больше походили на стволы по толщине. С солнечной стороны были обнаженные камни и кустарник с невысокой травой, здесь петляла тропка. А сразу же за тропкой, спрятавшись немного от ветров, стеной стояли деревья, и все они выглядывали с северной стороны, а сам северный склон зарос непроходимым лесом и кустарником. Еще выше стал встречаться желтый альпийский мак, чабрец, а вскоре пошел кедровый стланик. Он прилипал к скалам, к валунам, возвышавшимся немного и, спрятавшись от бушующих здесь ветров, разрастался от этих укрытий полосами зелёной, плотно сомкнувшейся хвои. На стланике и невысоких кедрах, спрятавшимися за стлаником, было много шишек, которых мы и набрали в рюкзаки. Пробуя на вес и оценивая подъёмную силу Антона, я и в свой рюкзак положил поменьше.

– Маловато, – сказал Антон.

– А донесёшь ли ты?

– Донесу!

Здесь мы и сделали привал, вскипятили чаю с чабрецом, черникой, рябиной и баданом толстолистным. Воды здесь не было, и мы принесли с собою в пластиковых бутылках, наполнив их водою из горного, холодного до ломоты, ручья. На собаку воды набрал я, так что с избытком хватало.

Перекусили немного, я покормил Рекса, а ел он в лесу всё,

даже сырой картофель, правда очищенный и помытый. Всё, что ел я, давал на пробу и ему, дома он бы и обнюхивать не стал, а в лесу проглатывал: хлеб, ягоду, огурец – ну а о мясе и колбасе не стоит и говорить.

–А на вершину не поднимемся? – спросил неугомонный Антон.

–Пойдём, – согласился я, – только как быть с рюкзаками?

–С собой!

При подъёме, теперь чаще и чаще проходили по каменным россыпям. Валуны увеличивались в размерах, чем выше поднимались. Рексу приходилось всё чаще помогать и идти таким путём, где бы пёсик мог пролезть. Часа через полтора, мы стояли на вершине. Ветер дул ровно, но сильно, так как на открытом автомобиле с хорошей скоростью.

–А кто сюда припёр этот треугольный конус? – спросил Антон, сбросив на вершине рюкзак и подойдя к сооружению из трёх труб приваренных к четвёртой в виде треноги.

–Этот конус – тренога, топографический или геодезический пикет. На многих высоких точках стоят, обрати внимание, в бетоне, навечно. Всё, я думаю, по уровню, и верхушка точно выверена и известна на какой высоте от уровня моря, и какие координаты, на карте, возможно с точностью до десятков сантиметров.

–Жаль краски не взяли. А давайте что-нибудь привяжем на верхушку!

Антон залез наверх, зацепился за верхнюю вертикальную

трубу, возвышавшуюся три, четыре метра, и привязал, пожертвовав свой носовой платок.

–А тот пик, как называется?

–Зои Космодемьянской.

–Как вы думаете, долго идти? Может сходим?

–Ты серьёзно? Не обещаю, что дойдём, но попробовать можно.

И через полчаса мы уже пробирались по каменным россыпям из больших обломков скал, на некоторые было трудно забраться. Рекс не отставал, он был научен прежними походами. Но всё же, я старался облегчить ему дорогу, я выбирал маршрут так, чтобы собака могла пробраться. А пробиралась она, на каждый большой валун, влезала передними лапами, скользя порой когтями, и пытаясь подняться или подтянуться. Иногда я за загривок помогал втянуть на очередной валун. Эта каменная россыпь отняла много времени и сил, а у Рекса после лап стали оставаться влажные отпечатки. Присмотревшись, понял пёс стёр лапы до крови.

–Бука, Букса, – глядя, ласково называл его я, – устал, избился весь?

А он, зная, что такими словами его называют в моменты особой душевной теплоты, вилял хвостом не сводя с меня грустных глаз. Бедное животное готово было продолжать следовать за мною до полного изнеможения.

–Антон, у собаки лапы стёрлись, мы не сможем дальше идти. В следующий раз сходим.

–Давайте привяжем, пусть подождёт?

–Нет, об этом не может быть и речи. Это мой верный друг, а друзей я не предаю.

На сбитые передние лапы собаке я одел свои запасные носки, перевязав их чтобы не слетали, но один слетел и потерялся почти сразу, а другой когда спустились к подножью. Из этого похода, Рекс пришёл уставший как никогда, и захромавший на задние лапы. А через несколько дней ему исполнилось одиннадцать лет.

Через несколько недель пошли ещё в горы, теперь с Рексом вдвоём. Воздух был не по-осеннему горяч и сух, побродив по сосновому бору, пошли вверх. Поднялись на хребет, Рекс отставал как никогда. Лапы его зарубцевались, да и острых камней здесь пока не было.

–Рекс, ну, что же ты отстаёшь?

А он уже не только отставал, но теперь ложился и лежал. Я отходил на двадцать, тридцать метров и ждал его. Он отдыхал, поднимался и брёл до меня, добредя, ложился. Собаки не люди, они не умеют изображать усталость, не умеют изображать боль или что-то другое. Он следовал за мною сколько мог, а я по невнимательности, гнал и гнал его за собою. И только надумав отдохнуть подольше, я пригляделся и понял, у пса нет сил. Десны и язык побелели, с языка не капала слюна, как обыкновенно в жару. Я напоил собаку, мы просидели полчаса, состояние собаки не улучшалось. Пошли домой. Спускаясь, Рекс по-прежнему отставал, а последнюю часть

пути, пришлось подсунув поводок под грудь, помогать ему. Придя домой, я понял, – Рекс больше не ходок со мной в горы.

8

На следующее лето в горы мы уже не ходили, ходили в сосновый бор, а в горы я уходил один. Теперь идя с собакой в бор, брал таблетку преднизолона, и перед обратной дорогой давал четвертинку. А в конце лета Рекс и из бора с трудом дошёл до дома. Так что в двенадцать лет, он уже ходил со мною у домов. В двенадцать же лет, весной, я в последний раз попытался сводить пёсика до реки. Было тепло, до реки пройти два километра по грунтовой дороге, но Рекс преодолел их с трудом. Обратный путь шли с передышками, и поводок под грудь уже мало помогал. Он ложился и не хотел идти, а я несмотря на то, что понимал – это происходит не от лени, а от старости и боли в суставах, всё же злился на него. Старость катастрофически быстро одолевала организм собаки. После этого похода, больше Рекс уже не ходил никуда со мною. Теперь его жизненное пространство ограничилось дорожкой за домом, до трансформаторной будки или магазина, где я привязывал его к берёзе, а сам шёл за покупками. Подниматься на четвёртый этаж без моей помощи он уже не мог. А когда Наташа выгуливала его, случилось несколько раз, что он упал на ступеньках и скатился вниз, негромко взвизгнув от боли. К осени у него открылся понос, и как я не принуждал его испражняться в ведро, он не желал, выл,

скулил, перебирал лапами, и никакие уговоры не помогали. Мочиться по команде он умел, я говорил: «Гуляй», – и это значило и то, что можно мочиться. Он многое делал по команде, ел, пил, лежал на месте. Я с первых дней решил, что или пёс будет со мною, или я умерщвляю его, но не бросаю на произвол собачьей судьбе. А при переезде в квартиру и Наташа, и её подружки уговаривали, отдать знакомым. Рекс, конечно, был воспитан и стал бы любимцем в чужом доме, а жить на улице он не боялся. Хотя те, кто просили, говорили, что с вечера до утра он будет в доме. Я отказал категорично и твёрдо.

С поносом с конца лета и до начала зимы, как не боролся, успехов не было. Каких только лекарств мы не испробовали, стихало на день, два, а ночью опять начиналось скуление и просьба во двор на прогулку. Но когда мы шли, порой на четвёртом этаже, порой на втором, порой и два раза, он не сдерживал позывы, как не силился и всё загаживал. И ночь, полночь, я набирал в ведро воды, добавлял хлорного дезинфектора и мыл, прежде в резиновых перчатках в специальную ёмкость собрав то, что растекалось и не собиралось. Да, и как, проснувшись по второму разу, а то и по третьему, не разозлиться, а иногда трудно сдержаться, трудно укротить свой гнев. Бедный старичок, не сладкими были его последние месяцы. За несколько недель я привык вставать в любое время и уже не пытался, как бешенный, добежать до выхода из подъезда. Теперь, не спеша одевал мочеприёмник, брал

ёмкость для поноса, и, придерживая за хвост, выводил Рекса за двери. Так он перестал доставлять мне проблемы с мытьём лестничных маршей, а в октябре, понос прошёл сам по себе, и теперь наоборот наступило время запоров.

С первым выпавшим снегом, всего-то десять, пятнадцать сантиметров, Рекс не мог ровно ставить задние лапы, они не слушали его, и вставали на внешнюю покрытую шерстью сторону. Волоклись сзади, вместо того чтобы помогать идти. Вскоре от такой ходьбы когти и пальцы задних лап стерлись до крови, смазав их йодом, я следил, чтобы Рекс не ставил так лапы. Его организм умирал, старился, животное смирилось с этим. Всё что приходило со старостью, воспринимал и приспособлялся. Незаметно вся морда из чёрно-рыжей, стала седой, тело из крепкого и мускулистого, превратилось в худое. Собака смирилась с тем, что спускаясь по лестницам держу за хвост. Теперь у него всегда капельками выбегала моча и за ночь и днём, на дорожке темнело мокрое пятно в диаметре около тридцати сантиметров.

9

Пролежал до трёх часов ночи, закрывал и открывал глаза, неизвестно о чём думая. В три часа ночи поднялся и вышел к собаке. Он тоже не спал, положив морду на передние лапы, водил за мною глазами, наблюдая, что же я делаю. А я готовил «лекарства»: первое было, вероятно, наркотик, и наркотик сильного действия. Недавно судили ветеринаров, не то за хранение, не то за использование для животных этого

наркотика. Вещество было в жидком состоянии, и было его около пятнадцати миллилитров, в тёмном флакончике. Второе вещество из двух компонентов, жидкого и порошкообразного, жидкое имело в содержании бром. Два флакончика сухого и два жидкого. А третий – пять ампул, по пять миллилитров. И, хотя те, кто помог нам приобрести «лекарства» сказали, что все три ставить в мышцу, я имел сведения, что последние нужно в вену. Пять минут четвёртого, не давая себе времени думать, присев возле своего верного друга, набрав в шприц первое вещество, взял мышцу задней лапы в пальцы, и, воткнув иглу, впрыснул содержимое.

Рекс доверял мне. Два месяца назад, также ставил уколы, и ветеринар заверяла, что пёсик поднимется на ноги. Увы. Теперь он не дёрнулся, ни одним движением не выказал сопротивления. Лишь немного поднял голову, взглянув на то место, куда произведён укол. Я вынул иглу и помассировал место укола, чтобы не было больно. Всё что я делал, я делал казалось не сам, а кто-то во мне или рядом. И этот же кто-то следил за правильностью процесса. А процесс шёл быстро. После укола, Рекс поднял голову, взглянув, опустил, хотел прилечь, почувствовал, что-то происходит не так. Опять поднял голову, силясь понять, но уже ничего не видел. Стал часто, часто моргать глазами. Я помахал у него перед мордой рукой, а он уже не видел и не реагировал. Тогда, поглаживая пёсика, помог ему лечь на бок, попытался прикрыть глаза. Но он, часто моргая, не хотел их закрывать, и, лёжа на

боку, переднюю лапу поднял, как бы расставив для устойчивости. А может наркотик приводил мышцы в напряжение. Я опять прикрыл глаза, и он вздрогнул от прикосновения, как от неожиданности. А еще через две минуты, Рекс положил голову на бок, пасть приоткрылась, и у морды набежала лужица слюны. Глаза полузакрыты и совершенно отрешены.

Второе «лекарство» поставил с другой стороны, приподняв задние лапы, в такую же мышцу, и где-то про себя отметив то, как высохли мышцы, я ставил в них уколы и помнил, насколько они были объемистей. Пёсик обмяк. Я дунул ему в морду, проверяя глубину наркоза, потрогал, позвал, чуть кольнул подушечки лап иглой – наркоз глубокий. И набрав в шприц третье, последнее «лекарство», на передней лапе попытался попасть в вену. Вены спали, попав во что-то, думал вена, попробовал вобрать крови в шприц – нет, значит мышца или сухожилие. Попытался ещё, нет, не попадаю. Вколол в мышцу передней лапы, поближе к сердцу.

Рекс, казалось, не дышал, так слабо было его дыхание. Я прижал ухо к тёплой грудной клетке и услышал удары.

–Тук – тук. Тук – тук – тук, – небольшая пауза, и вновь, – тук – ук, тук – ук, тук – тук – тук – тук...

И всё. Я держал ухо на его груди, но сердце не слышал, оно остановилось и послышалось журчание. Это выбегала оставшаяся моча. Она бежала ровной струйкой, как давно уже не бежала у старой и измученной болезнями собаки. Я подоткнул коврик, чтобы моча впитывалась.

«Обмыть тело?» – пронеслась глупая мысль.

Пасть Рекса так и осталась приоткрытой и язык из бледно – розового, в одно мгновение посинел. Пёсик был ещё горячим, но жизни в нём уже не было. Припомнилось, как в прошлом году приехал зимой сын, Наташа Рексу дала несколько блинов, и он, не избалованный лакомствами, хотел проглотить всё сразу. И подавился. Упал, потеряв сознание, хорошо Олег не растерялся, а быстро и умело оказал первую помощь. Тогда тоже набежало много мочи, а Рекс, возвращённый к жизни, стоял в луже собственной мочи, ошалевший, ничего не понимающий, озирался вокруг.

В этот раз он умер навсегда. Боясь расслабиться и раскиснуть, оттого торопливо, и не отвлекаясь, продолжил начатое. Ввалил пёсика на плечо, из анального отверстия что-то выпало на коврик.

«Потом уберу», – решил я, взяв приготовленную лопату и мешок с ковриком.

Спускаясь по лестнице, почувствовал, какая-то жидкость бежит по спине, по курточке и просачивается сквозь одежду до кожи. Вышел из подъезда. Жидкость промочила куртку, рубашку, штаны. На востоке синело. Рассвет. Но улицы города ещё пустынно. Я шёл по тротуару, и слышал, как у тёплого собачьего тела с похрустыванием расходятся позвонки. Промокшая одежда леденила кожу. Сюда, через двухметровую трубу мы ходили гулять, а теперь шёл я, а пёс висел через моё плечо, и синий, выпавший язык свисал ниже морды, и с

шагами задевал мне куртку. Дойдя до трубы и поднявшись на мостки, обнаружил за трубой мостки обрушились, не то сгнили, не то обходчики подрубили. Пришлось вернуться, идти мимо гостиницы, к бетонному мостику. По бетонному мостику через трубу, в поле, отойдя не больше ста метров, за бугорком, во влажной и мягкой земле, опустив друга на холодную сырую землю, стал рыть могилу.

Было сыро и прохладно. Земля копалась легко. Выкопал ямку по пояс. Тело Рекса лежало рядом на едва пробившейся траве, полуоткрытые глаза, казалось, помутнели. Положил тело головой на запад, спиной к городу, на бок, закрыл для чего-то лапами уши, как собака часто делала живая, прося почесать за ушами. И зарыл, и сделал небольшой холмик.

Уходя от могилы, мне вдруг показалось едва заметное движение земли. Я вернулся, сел у могилки и прислушался. Теперь, когда прошло несколько дней, я понимаю, никакого движения не было и быть не могло, но тогда... Тогда прислушиваясь к звукам, прижался ухом к земле, – тишина. Может подсознание жаждало воскрешения? Поднялся, отряхнул землю и побрёл домой. Я ещё не признавался себе, что потерял лучшего друга, преданного и верного, я ещё не сознавал, что своими руками убил его, превратив из теплого, живого – ни во что. Я брёл домой и не о чём не хотел думать. Дома собрал все тряпки, которые были пропитаны запахом и мочой собаки, коврики, изобретённый мочеприёмник, кусок оставшегося мыла, которым мыл пёсика в последние недели

через день, через два. Его чашку, с отбитой в двух местах на дне эмалью. Всё собрал в мешок, вымыл полы в коридоре, на лестничной площадке, уже уходя, вспомнил о щётках, которыми я чесал собаку. Вернулся, снял пакет Рекса, в котором и находились все щетки, тоже бросил в мешок. Оставил только жёсткий ошейник – парфорс, которым не пользовались года три, кожаный поводок, намордник и широкий ремень, на котором поднимал Рекса с прогулок в квартиру. Эти вещи спрятал в рундук на лоджии, кастрюлю с недоеденной похлёбкой опустошил в унитаз, вымыл и спрятал. А мешок понёс в мусорные ящики, стоящие у двадцатого дома. Выбросив мешок, снова вспомнил о почудившемся движении земли.

–Нет, – подумал я, – нужно сходить и проверить. Вдруг он высунул морду из земли и хватает воздух, ожив, отойдя от наркоза.

И я сходил к могиле. Прошло уже около двух часов. Могила высилась в утренней тишине тёмным холмиком, спрятанным за бугром. Солнце начинало пригревать землю, и от земли поднимался сырой туман, а с туманом запахи оживающей весенней земли. Постоял и побрёл в опустевшую квартиру.

Возвратившись, снял с себя одежду, загаженную Рексом на прощание, засунул в стиральную машину, всю, не разделяя на верхнюю и нижнюю, и включил на «быструю стирку». Сам вымылся в ванне, набрал в ведро воды, добавил стираль-

ного порошка и хлорного отбеливателя и ещё раз всё к чему мог прикасаться пёсик, протёр, уничтожая запахи. Слёз не было, я не хотел плакать. Я был спокоен и сдержан. Но когда пришла Наташа, зная, что я должен был сделать, но, зайдя в квартиру и водя глазами в поисках собаки, задала глупый вопрос:

–А где Рекс? – я ещё сдерживая поглощающую тоску, смог спокойно и сухо ответить.

–Рекса больше нет.

Но она, зная всё, вдруг завывала, заорала и зарыдала. И всё спрятанное в моей душе, всё что скрывалось, больше не умещалось во мне, и впервые я заплакал, мы обнимались и плакали.

–Коля, он не мучался?

–Нет. Он уснул быстро. Я даже не ожидал, что произойдёт всё так быстро и легко.

– А почему тогда плачешь?!

–Горько! Теперь всю оставшуюся жизнь буду думать, правильно ли я поступил?!

Есть Наташа не стала, я тоже не хотел. Мы легли в кровать. Вместе не спим, а лишь ложимся не на долго, иногда, так привыкли смолоду. В этот раз пролежали весь день. Она с ночи, но не спала, я не спал ночью, и тоже спать не хотелось. Просто лежали, обнимались, иногда плакали, молча глядя друг друга, пытаюсь утешить. Поднялись в полдень. Видеть никого не хотелось. Я сходил в магазин, и проверил могилку

ещё раз. Мысль, что собака могла ожить, не оставляла.

Так я убил своего друга, убил и закопал. На следующее утро я уехал в клинику профпатологии, где получил постельное бельё, заправил кровать и лёг, накрыв лицо полотенцем. Лежу и думаю, думаю, думаю. Думаю, ни о чём.

(запись вторая)

10

Лечащий врач, молодая казашка, терапевт, была удивлена и насторожена моим поведением, замкнутостью, малой подвижностью. Ей было понятно, когда шахтёры пьянствовали, играли в карты, прячась на берегу реки или в приболотном скверике. А то, что я лежал, закрывая лицо, как бы сплю, но сна и не бывало, не понять. А ещё на третий день попросился домой, на выходные, потому, что дома сломался смеситель в ванне. Настораживало и врача, и заведующую отделением.

—А сантехник не может сделать?

—Где его найти?

—Ну а родственники? Друзья?

—Таких близких, чтобы пришли и сделали, нету.

Отпустили, но насторожились ещё больше. Домой из областного города, на автобусе нужно было ехать пять часов. А затем возвращаться пять, платить за дорогу, шахтёр нор-

мальный, так не поступает. Была пятница, вернуться нужно было в воскресенье вечером, хотя городских местных, отпустили до утра понедельника.

Возвратившись домой, прошёл на могилку. Ничего не изменилось, да и что могло измениться? Но я как будто ждал чуда, или чего-то ещё. «Пёсик болел, устал жить, я бы хотел умереть также! Но что тогда мучает меня, что не даёт покоя? Почему такая тоска и горечь в душе?» – думал я. Принёс фотографию Рекса, завёрнутую в полиэтилен, на обратной стороне написал:

«Он много знал, но он молчал,
Любил нас и всё нам прощал!»

Положил под комок земли. Горечь не уходила, а усиливалась. Я плакал каждый день по несколько раз поглощённый горечью утраты и жалостью к собаке. Размышления без ответа, о том имел ли я право умерщвлять собаку, не оставляли меня, образы живого взгляда Рекса возникали внезапно и неоткуда заставляя думать о неповторимости жизни. О неповторимости мира, каждого живого существа. Об отражении в мире живого, мира существующего. Он огромен, как и реальный мир, в нём есть прошлое и настоящее. А с гибелью живого существа, исчезает этот мир, наполненный теплом, чувствами и запахами. Кто оценит чей мир ценней? Да и на каких весах определить? Компьютер тоже имеет что-то, но разве он ценнее жизни существа борющегося за жизнь?

(запись третья)

Прошло полгода. Чувство вины и горечи, спряталось и выплывает реже и реже. Один, два раза в неделю лью слёзы и думаю о пёсике. Может, он бы прожил ещё до этого времени, тогда была весна, а после наступило лето, может летом, Рексу стало бы лучше. Может быть, он всё ещё бы жил, лёжа у входных дверей и наблюдал за нами умными, тёмными глазами. В последние месяцы жизни, его мир сузился до коридора и одного квадратного метра в этом коридоре. Да и в этом пространстве, он плохо видел и слышал. Но стал ли от того его мир беднее и хуже?

Благо ли смерть, которую я принёс моему другу? Освободил ли я его от мучений, или лишил последних месяцев жизни? Спрашиваю себя и не нахожу ответа, и нет конца моим терзаниям и горечи в душе от трагедии жизни. Не хочу приручать больше ни одно живое создание!